

Гу Цяньчэнь, наблюдая за текущей битвой, сжала губы:

— Разделяй и властвуй. Если строй кавалерии нельзя разрушить, заставим их самих его рассеять. Если строй исчезнет, он сам по себе рухнет.

— Есть! — Яо Лян принял приказ и сразу же помчался передать его.

Приказ был передан, и каждая группа начала действовать, факелы задвигались, и огни засверкали.

Ся Юань, увидев вспышки огня, сказал:

— Вперёд, застанем их врасплох.

Стиль Ся Юаня был прямолинейным и решительным. Гу Цяньчэнь хорошо знала это и использовала его особенности. Один только Ся Юань мог создать давление, равное десяткам солдат.

С тыла армии Ди был Ся Юань, а спереди — Чу Можань, которая, не смирившись со смертью Гу Чжунцзюня, сражалась с ещё большей яростью.

Атака с двух фронтов измотала армию Ди. Вдобавок к этому, элитные отряды Ся Юаня окончательно разбили и без того слабый строй кавалерии. Теперь разбить их поодиночке стало гораздо проще.

«Разгромленное войско» — лучшее описание армии Ди в этот момент. Лоу Цзюньяо не переставал хмуриться, так и не поняв, сколько же солдат у Цзин. Теперь армия Ди потеряла большую часть своих сил, и оставалось только бежать. Да, бежать, ведь отступить уже было невозможно.

Лоу Цзюньяо повёл своих людей в сторону лагеря Ди. Гу Цяньчэнь, закончив бой, обернулась и увидела отряд, пытающийся бежать. Прищурившись, она схватила копьё с красной кистью и метнула его в убегающих. Острие вонзилось прямо в плечо Лоу Цзюньяо.

Почему Гу Цяньчэнь так точно попала в него ночью? Всё просто — доспехи Лоу Цзюньяо отличались, и при свете луны и факелов его было легко узнать. К тому же её бросок был не совсем точным, иначе копьё попало бы не в плечо, а в сердце.

Битва подходила к концу. Ся Юань нашёл Гу Цяньчэнь и сказал:

— Маршал, бой был удачным, жаль только, что Лоу Цзюньяо сбежал.

Гу Цяньчэнь холодно усмехнулась:

— Ничего. Его рана заживёт через десять дней, а к тому времени наша пограничная армия уже не будет той, что он знал.

Ся Юань не совсем понял, но уловил суть: оставить его в живых, чтобы сразиться в другой раз. Кроме того, было бы жаль, если бы командующий Ди не увидел, как горит их лагерь.

— Очистите поле боя, там много трофеев, — приказала Гу Цяньчэнь, прищурившись. — Тела погибших солдат должны быть собраны и пересчитаны, иначе мы не сможем ответить перед их семьями. — В её голосе звучала тяжесть.

— Есть.

Гу Цяньчэнь также обсудила с Чу Яном вопросы будущей подготовки армии. Она уже думала о том, что если армия Ди соберёт силы и вернётся, солдаты Цзин должны быть готовы. Закончив разговор, она вернулась в свою палатку.

— Маршал, эта победа во многом ваша заслуга. Все пьют за пределами палатки, присоединяйтесь, — сказал Яо Лян, войдя в палатку.

Гу Цяньчэнь покачала головой:

— Нет, идите без меня. Завтра я отправляюсь обратно в столицу.

Яо Лян вздохнул:

— Хорошо, маршал, отдохните как следует. Дорога утомительна, не переутомляйтесь.

Гу Цяньчэнь кивнула, не проявляя особого энтузиазма.

В этот момент Яо Лян заметил кровь на её левой руке. Маршал уже сменила одежду, откуда же кровь? Он уставился на её руку:

— Маршал, вы ранены?

Гу Цяньчэнь посмотрела на свою руку и усмехнулась:

— Пустяк, не стоит внимания.

— Как же так? Вы же женщина, шрам останется. Я позову врача, — нахмурился Яо Лян.

Гу Цяньчэнь равнодушно кивнула, не говоря ни слова.

Яо Лян покачал головой, выходя из палатки. Дела генерала всё ещё тяготили маршала. Победа

в битве не изменила того, что её отец погиб.

Гу Цяньчэнь сидела в палатке, хмурясь. Её беспокоила смерть Гу Чжунцзюня и то, как сообщить об этом Мужун Сюань. Тело Гу Чжунцзюня нужно было вернуть в город Жуйань для захоронения, поэтому скрыть его смерть было невозможно. Мужун Сюань была на четвёртом месяце беременности, и если бы у неё случился выкидыш, что бы тогда? Гу Цяньчэнь тяжело вздохнула, это была настоящая проблема.

Вскоре прибыл врач, поклонился и сказал:

— Маршал.

Гу Цяньчэнь кивнула:

— Не стоит церемоний, спасибо. — С этими словами она разорвала рукав своей тонкой рубашки, увидев кровоточащую рану, и нахмурилась. Раньше она не обращала внимания, но теперь видела, что рана была глубокой. Она покачала головой, понимая, что возвращаться с раной — это ещё одна головная боль.

Старый врач спокойно отнёсся к тому, что Гу Цяньчэнь разорвала рукав. Когда-то жена генерала, переодевшись мужчиной, поступила так же, когда поранила руку, и просила его скрыть её пол. В итоге генерал всё равно понял. Вспомнив это, врач смочил глаза, очистил рану Гу Цяньчэнь, перевязал её и сказал:

— Маршал, это внешняя рана, но она глубокая, так что будьте осторожны в ближайшие дни. Не допускайте ухудшения и следите, чтобы рана не воспалилась.

— Да-да, я запомню, — Гу Цяньчэнь с трудом сдерживала смех. Этот старый врач всегда становился таким «болтливый», когда дело касалось раненых.

Услышав её обещание, врач с облегчением взял свой ящик с лекарствами и ушёл.

Гу Цяньчэнь переоделась в чистую одежду и легла, хотя знала, что этой ночью не уснёт.

И тут в её палатку вошёл человек с длинным мечом. Увидев Гу Цяньчэнь на кровати, он остановился:

— Не притворяйся, знаю, что ты не спишь.

Гу Цяньчэнь, лежавшая спиной к входу, повернулась и села:

— Если бы я не знала, кто ты, могла бы подумать, что ты пришёл убить меня, помощник генерала Чу. — Это была Чу Можань.

— Не говори официально, вставай, давай сразимся. Всё равно ты не спишь, а у меня настроение

плохое, — сказала Чу Можань, опустив голову.

— Разве ты не знаешь, что я ранена? — ответила Гу Цяньчэнь, не обращая внимания на её слова.

Чу Можань подняла бровь:

— Ранена? Где? Я видела, как врач выходил из твоей палатки. — Её голос звучал слегка насмешливо, возможно, она переняла это у солдат. Интересно, что думает её отец, военный советник.

Гу Цяньчэнь указала на свою левую руку:

— Здесь. Так что не стоит со мной драться. Если хочешь, иди к кому-нибудь другому.

Чу Можань надула губы:

— С этими пьяницами? Нет уж. У тебя ведь только одна рука ранена, а вторая в порядке?

— Значит, я могу тебя победить одной рукой? Тогда нет смысла драться, — сказала Гу Цяньчэнь, не желая сражаться.

Чу Можань закатила глаза:

— Ладно, не буду играть в слова. Не хочешь драться — не надо. А выпить?

— У меня нет вина, — спокойно ответила Гу Цяньчэнь.

Чу Можань положила меч:

— Подожди, я принесу. — С этими словами она вышла.

Гу Цяньчэнь подняла бровь. Чу Можань не изменилась, но сегодня она была не такой прямой, как раньше. Наверное, из-за отца.

Вскоре Чу Можань вернулась с кувшином вина и двумя чашами, поставила их на стол и сказала:

— Давай, сегодня напьёмся.

Гу Цяньчэнь улыбнулась:

— Завтра мне ехать, так что напиваться не стоит.

— Ладно, ладно, не болтай, иди сюда, пей, — Чу Можань налила две полные чаши.

Гу Цяньчэнь подошла, взяла одну из них и сделала большой глоток, подняв бровь:

— Хорошее вино.

<http://bllate.org/book/15466/1371204>